К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**I. ДРЕВНЯЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НОВЫЕ ДАННЫЕ И КОНЦЕПЦИИ)**

**ANCIENT CENTRAL ASIA IN THE EURASIAN CULTURAL CONTEXT
(NEW DATA AND CONCEPTS)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома I: В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо (отв. редакторы),
В. П. Никоноров, В. Я. Стёганцева; В. В. Терёхина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв (Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе (сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёкшин (ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка (Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет); к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ); к. и. н. Н. Н. Скаун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. В. А. Алёкшин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН); В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН); И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 291 с.

ISBN 978-5-907053-34-2

DOI 10.31600/978-5-907053-34-2

VADIM M. MASSON AND THE LENINGRAD/ST. PETERSBURG SCHOOL OF THE STUDY OF CENTRAL ASIAN ANTIQUITIES

Lyubov' B. Kircho

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Vadim M. Masson, Leningrad/St. Petersburg school of the study of Central Asian antiquities, ancient civilizations, economy and social structure of ancient societies, archaeological investigations of Central Asia, scientific-organizational, international and pedagogical activities.*

Vadim M. Masson is a great researcher who relied in his works on the traditions of two scientific schools for the study of ancient history and archeology of Central Asia — the Tashkent and the Leningrad/St. Petersburg ones. The paper highlights the main aspects of V. M. Masson's scientific, organizational and pedagogical activities — from expeditionary field excavations at archaeological sites in Central Asia, belonging to the Neolithic — Paleometal eras and antique times, till major theoretic generalizations in the matters of revealing the stages of the formation and development of ancient Eurasian civilizations.

ЮЖНАЯ МЕСОПОТАМИЯ В ПЕРИОД РАННЕЙ УРБАНИЗАЦИИ (3500–1500 гг. до н. э.)

Н. В. Козырева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия*

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-10-12

Ключевые слова: *Южная Месопотамия, ранняя урбанизация, городские хозяйственные системы, экологические изменения, миграции, деурбанизация.*

Первые города появились на территории Южной Месопотамии в середине IV тыс. до н. э. Через несколько столетий в регионе существовало уже более трех десятков городов площадью 40–60 га. Самый крупный из них, Урук, занимал площадь около 250 га. Городская хозяйственная система помимо собственно города включала окружающую его сельскохозяйственную территорию с большим числом мелких поселений. Экономическим фундаментом такой системы было административно организованное зерновое производство, основанное на ирригации, которое дополнялось скотоводством и ремеслом, важную роль играли также рыболовство и добыча естественных ресурсов. Структурно система представляла собой сеть крупных хозяйств (домов), в рамках которых находились основные массивы городских пахотных земель и большинство производственных ресурсов. Персонал этих хозяйств составлял городской социум, складывавшийся из отдельных, равных по своему статусу групп, каждая из которых занимала свою часть резидентного и хозяйственного пространства и имела свое представительство в городской бюрократической системе. Во главе города стоял правитель, который избирался горожанами (или представителями городских групп) на определенный срок.

В первой половине III тыс. до н. э. число городских систем на территории Южной Месопотамии продолжало расти, одновременно стало заметно уменьшаться количество мелких поселений вокруг городов. До 80 % жителей региона проживали в городских центрах площадью 40 и более га, около 10 % жили в поселениях площадью меньше 10 га. Небольшая часть обитателей самых южных аллювиальных почв продолжала жить в болотистых и степных районах за пределами контроля городской администрации.

Рост населения, жившего в рамках городских хозяйственных систем, приводил к необходимости расширения обрабатываемых площадей и обострял вопрос о земельных

границах отдельных городов и принадлежности каналов и водных протоков, усиливая соперничество и военные конфликты между городами. Появились изменения и в организации управления городом. С середины III тыс. до н. э. на традиционные «выборные» системы накладывается изначально чуждый ей институт централизованной (царской) власти, задачей которого было обеспечение безопасности города и непрерывности хозяйственной деятельности горожан. Два раза на протяжении второй половины III тыс. до н. э. предпринимались попытки включить территорию Южной Месопотамии с ее десятками городских систем в рамки единого централизованного государства с наследственной царской властью (аккадское государство и государство III династии Ура). Обе попытки закончились распадом объединенного государства и возвращением городов к исходной модели социально-экономического устройства, т. е. к модели автономных самоуправляющихся городов с надстройкой в виде царской власти.

Первые признаки постепенного упадка городских систем и начала деурбанизации проявляются уже в последние века III тыс. до н. э. Отдельные древние города переживают кризис (Эриду), одновременно растет число небольших сельских поселений. Последнее было связано не с перетеканием в сельскую местность населения из приходящих в упадок городов, а скорее с усилившимися в это время потоками миграции на территорию Южной Месопотамии западносемитских (аморейских) групп, которые издавна были ее соседями на западе и северо-западе.

В первые века II тыс. до н. э. на территории Южной Месопотамии по-прежнему существовало несколько десятков независимых городских хозяйственных систем: некоторые из них возникли еще в конце IV тыс. до н. э. (Ур, Урук, Ниппур), другие сформировались и вышли на историческую арену позднее (Исин, Вавилон, Сиппар). Однако условия существования городов в это время кардинально изменились по сравнению с началом периода. Среди изменений можно отметить два основных фактора: обострение экологических проблем и увеличение масштабов миграции. Передвижение русел двух великих рек, постепенное отступление на юг вод Персидского залива в сочетании с общим уменьшением количества осадков понемногу делало климат региона все более жарким и сухим, увеличивая зависимость населения от стабильности водных ресурсов. В это же время города Южной Месопотамии оказались плотно окруженными сельским разнообразным населением из числа мигрантов и их потомков.

Со второй половины XVIII по конец XVII вв. до н. э. на всей территории Южной Месопотамии проходят масштабные процессы деурбанизации, в ходе которых большинство крупных городов региона были покинуты жителями и постепенно пришли в полное запустение. Последней точкой в длительном процессе упадка городских систем Южной Месопотамии оказалось разрушение Вавилона в 1595 г. до н. э.

После пика деурбанизации середины II тыс. опорой центральной власти в Южной Месопотамии долгое время оставались сельские поселения провинции. В XIV–XIII вв. до н. э. касситские правители Вавилона организовали масштабные работы по восстановлению ирригационной системы и возрождению южных городов. Однако во вновь формировавшихся под эгидой центральной власти городских структурах отсутствовал сколько-нибудь масштабный уровень автономии, выборности и самоуправления. Максимум, на что могли рассчитывать в новых условиях самые богатые и древние города, — это привилегии, которые даровались им царем и царем же могли быть отобраны. Тем не менее многочисленные города Южной Месопотамии и в последующие века вплоть до конца периода древности сохраняли явный отпечаток той модели городского устройства, которая возникла на юге в середине IV тыс. до н. э.

Литература

- Козырева Н. В. 2016. Очерки истории Южной Месопотамии периода ранней древности. СПб.
- Массон В. М. 1989. Первые цивилизации. М.
- Adams R. M. 1981. Heartland of Cities. Chicago.
- Gasche H., Tanret M. (eds). 1998. Changing Watercourses in Babylonia: Towards a Reconstruction of the Ancient Environment in Lower Mesopotamia. Mesopotamian History and Environment. Ghent; Chicago.
- Liverani M. 2006. Uruk: The First City. London; Oakville.
- Postgate J. N. 1992. Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History. London; New York.

SOUTHERN MESOPOTAMIA WITHIN THE PERIOD OF EARLY URBANIZATION (3500–1500 BC)

Nelli V. Kozyreva

St. Petersburg State University, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Keywords: *Southern Mesopotamia, early urban systems, climate and environmental changes, migration movements, de-urbanization.*

The stage of ancient Mesopotamia history within the framework of which the formation and initial development of Mesopotamian civilization took place (3500–1500 BC) conditionally called the period of early antiquity or early urbanization. Its beginning can be considered from the formation in Southern Mesopotamia in the middle of the 4th millennium BC of large autonomous and self-ruling urban systems, and its end came with the decline of cities and the destruction of their economic systems in the middle of the 2nd millennium BC. Over a period of almost 2000 years the conditions, in which urban systems of Southern Mesopotamia were formed and to which they were originally completely adapted, gradually changed in comparison with the beginning of the period under the influence of both natural (ecology) and social-political (changing the ethnic composition of the population as a result of migration) factors. Nevertheless, the traditional structure of Southern Mesopotamian urban systems with a certain level of internal self-government in general terms was maintained throughout the period of early Antiquity.

ДРЕВНИЙ ЮЖНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ЭВОЛЮЦИОНИЗМА

Ю. Е. Берёзкин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-12-14

Ключевые слова: *археология Туркменистана, неозолуционизм, исторические парадигмы, ранние сложные общества.*

Среди российских археологов В. М. Массон в наибольшей степени воспринял концепцию Г. Чайлда, касающуюся неолитической и городской революций. Чайлдовскую схему он дополнил «периодом ремесел» — стадией в развитии оседло-земледельческих обществ в период возникновения городов и накануне появления государства. Результаты раскопок на Алтын-депе и на памятниках джейтунской культуры были умело интерпретированы как